

Мухомов

Александр Михайлович Скабичевский
Пушкин. Его жизнь и
литературная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175420

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии `Жизнь замечательных людей`, осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют свою ценность и по сей день. Писавшиеся `для простых людей`, для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

ГЛАВА I. ДЕТСТВО ПУШКИНА И ПЕРВЫЕ ПРОБЛЕСКИ ДАРОВАНИЯ. 1799-1811	4
ГЛАВА II. ЛИЦЕЙСКИЕ ГОДЫ А. С. ПУШКИНА 1811-1817	11
ГЛАВА III. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. С. ПУШКИНА В С.- ПЕТЕРБУРГЕ 1818-1820	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

А. М. Скабичевский

Пушкин. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк А. М. Скабичевского.

С 15 портретами Пушкина и многими рисунками.

ГЛАВА I. ДЕТСТВО ПУШКИНА И ПЕРВЫЕ ПРОБЛЕСКИ ДАРОВАНИЯ. 1799-1811

Со стороны отца А.С. Пушкин принадлежал к древнему дворянскому роду, упоминаемому в летописях со времен Иоанна Грозного, причем с наибольшим уважением относился поэт к предку своему Григорию Гавриловичу Пушкину, служившему при царе Алексее Михайловиче послом в Польшу, с титулом нижегородского наместника. От него-то и произошел Пушкин по прямой линии.

Мать Пушкина была внучкой Ибрагима Ганнибала, прославленного поэтом “Арапа Петра Великого”. Но надо заметить, что, из тщеславия перед столичною знатью, Пушкин слишком разукрасил как происхождение, так и положение при дворе Петра своего черного предка. Пушкин рисует его человеком в своем роде знатного происхождения из рода влиятельных абиссинских князей; свидетельствует о том, что, взятый из Константинополя, где он был аманатом,¹ Ибрагим был препровожден к Петру русским посланником; Петр его сам крестил, воспитал, сделал потом любимым своим камердинером и секретарем, послал за границу, где, не жалея денег на его содержание, доставил ему возможность блистать в высшем парижском обществе, а когда он вернулся в Россию, государь выехал ему навстречу за 28 верст. На самом же деле Ибрагим вместе с несколькими другими арапчонками, столь же темного происхождения, как и он сам, был выкраден из константинопольского гарема русским посланником и препровожден Петру как любителю всякого рода “курьезов” и “монстров”, так как в то время было в большой моде у нас содержать среди дворни инородцев: арапов, калмыков, турчат и т. п. Он действительно был воспитан при дворе Петра и затем послан в Париж, где записался во французскую инженерную школу, совершил поход в Испанию, но не только не имел возможности блистать в высшем обществе, а во все время пребывания за границей проживал в крайней бедности. Из его писем видно, что, назначив ему на содержание всего двести сорок франков в год, Петр часто совсем забывал о существовании своего арапа и не всегда выплачивал ему аккуратно жалованье. По крайней мере в письмах Ибрагим постоянно жалуется на крайнюю бедность и просит “не учинить его отчаянным” и не дать “пропасть в нищете”. Из Парижа его “выгоняли” в Россию “как собаку, без денег”, по его выражению, и он был в таком беспомощном положении, что собирался идти пешком, и “ежели не достанет жалованья, то милостыню будет просить дорогою”. Возвратился он в свите князя В.Л. Долгорукова, который очень им тяготился и не хотел кормить дорогою, так что Ганнибал выражал опасение, “как бы ему с голоду не умереть”...

¹ Заложник, которого дают в обеспечение договора у мусульман (араб.).

А.П. Ганнибал – дед поэта со стороны матери

Нраву он был жестокого и крутого. Женившись насильно на дочери флотского капитана, грека Диопера, и заподозрив жену в неверности, он ее бесчеловечно пытал и истязал; потом, пользуясь связями, выхлопотал развод, заточил жену в монастырь, а сам женился на другой, дочери капитана Христине Шеберг. От этого брака родилось у него шестеро детей: четыре сына и две дочери. Из них наиболее прославился сын Иван Абрамович, как один из участников и героев Наваринской битвы и основатель Херсона, где ему был воздвигнут памятник.

Совсем иных свойств был другой сын Ибрагима, Осип. Служа в артиллерии, сначала сухопутной, потом морской, он отличался пылким темпераментом и необузданным нравом и до такой степени был предан всякого рода диким увлечениям и излишествам, что сделался ужасом семьи, и отец долго не пускал его на глаза свои. Женившись затем на Марье Алексеевне Пушкиной, он скоро разошелся с нею, и в Пскове, служа по выборам, сказавшись вдовцом, обвенчался, при живой жене, на вдове капитана У. Е. Толстой. Результатом этого двоеженства был уголовный процесс, кончившийся тем, что Осипа Абрамовича высочайшей резолюцией 1784 года развели со второю женою, утвердивши первый брак его, и сослали на службу в Средиземное море, а затем он был сослан на жительство в свое имение, село Михайловское, где и пребывал до своей смерти.

От Марьи Алексеевны у Осипа Абрамовича родилась дочь Надежда. По смерти мужа Марья Алексеевна, женщина энергическая, практическая и опытная хозяйка, проживала в

доставшемся ей от мужа сельце Кобрине (Петербургской губернии) и, тщательно воспитывая дочь, вывозила ее в свет в самое утонченное высшее петербургское общество, пользуясь положением и связями дяди ее и крестного отца, Ивана Абрамовича. Здесь молодая, красивая креолка, избалованная с детства лестью и потворствами, капризная, пылкая, властолюбивая, имела успех и, между прочим, пленила сердце блиставшего в светских кругах утонченным французским образованием гвардейского офицера Сергея Львовича Пушкина.

Н.О. Пушкина – мать поэта

С.Л. Пушкин – отец поэта

Братья Пушкины – Сергей и Василий Львовичи – представляли собою типы передовых дворян того времени: писали стихи, знали много умных изречений и острых слов из старого и нового периода французской литературы и смело рассуждали о чем угодно с голоса французских энциклопедистов, впечатлясь последней прочитанной книжкой и на лету подхваченным суждением. Василий Львович был известен в литературе как один из “арзамасцев”, принятый в это общество Жуковским, и как автор сатиры “Опасный сосед”. В течение 25 лет непрестанно вращался он в литературных кружках и умер с книжкой Беранже в руках. Сергей Львович, в свою очередь, постоянно гонялся за разными знаменитостями, русскими и иностранными. Дом его в Москве был посещаем членами того блестящего литературного круга, который в начале столетия образовался там около Карамзина; в числе друзей и знакомых дома встречались самые почтенные имена того времени – Жуковский, Тургенев, Дмитриев и прочие, вместе с именами заезжих эмигрантов, туристов, артистов и т. п. Вращаясь в светских и литературных кругах и ведя рассеянную и чисто праздную жизнь, братья поражали современников своей крайнею беспечностью. Это были бонвиваны² эпохи

² Кутилы (фр.).

регентства на подкладке русской распущенности. В положение своих дел они не вникали, деревенскую жизнь ненавидели; дом их, по словам одного очевидца того времени, всегда был наизнанку: в одной комнате богатая, старинная мебель, в другой – пустые стены или соломенный стул; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня с баснословною неопрятностью; ветхие рыдваны с тощими клячами и вечный недостаток во всем, начиная от денег до последнего стакана. Имения же их находились в таком плачевном состоянии, что когда для спасения Болдина послан был туда деятельный управляющий, он бежал из имения при виде страшного разорения крестьян, до которого они были доведены беспечностью и передовыми стремлениями помещика.

Но какова бы ни была изнанка жизни братьев Пушкиных, с внешней стороны они были так блестящи, и Сергей Львович так сумел пленить старого наваринского героя, Ивана Абрамовича Ганнибала, что тот без долгих колебаний решился отдать за него свою племянницу и крестницу, Надежду Осиповну, промолвя: “Он не очень богат, но образован”.

После брака и рождения первой дочери Ольги Сергей Львович, по заведенному тогда порядку, вышел в отставку и уехал в Москву на покой. После того, вплоть до нашествия французов, Пушкины жили попеременно то в Москве, то в своей подмосковной деревне, Захарьине. И вот в 1799 году, 26 мая, в четверг, в день Вознесения, в Москве на Молчановке родился у них сын Александр.

До семилетнего возраста Пушкин не только не представлял из себя чего-либо замечательного, но, напротив того, своею неповоротливостью, тучностью, робостью и неподвижностью приводил в отчаяние своих родителей, и они серьезно опасались даже за его умственные способности. Заставить его бегать и играть со сверстниками можно было лишь насильно. Раз на прогулке он незаметно отстал от общества и преспокойно уселся посреди улицы. Сидел он так до тех пор, пока не заметил, что из одного дома кто-то смотрит на него и смеется. “Ну, нечего скалить зубы!” – сказал он с досадою и отправился домой.

Когда настойчивые требования быть поживее превосходили меру терпения ребенка, он убегал к бабушке, Марье Алексеевне Ганнибал, залезал в ее корзинку и подолгу смотрел на ее работу. В этом убежище уже никто не тревожил его.

Вследствие этого ему не пришлось быть любимым и балованным сыном своей матери. Напротив того, Надежда Осиповна выказывала открытое предпочтение старшей дочери Ольге и младшему сыну Льву. Это обстоятельство, однако же, имело впоследствии благотворное влияние на Пушкина. Не избалованный в детстве излишними угождениями, он легко переносил лишения и рано привык к мысли искать опоры в самом себе.

Пушкин – мальчик

Единственными друзьями его раннего детства были бабушка Марья Алексеевна и знаменитая, воспетая им впоследствии, нянюшка Арина Родионовна. Марья Алексеевна была женщина замечательная, бывалая, прошедшая сквозь огонь и воду после разлуки со своим мужем и отличавшаяся не только опытностью, но и здравым смыслом. Нянюшка Арина Родионовна, представлявшая из себя тип старинных, преданных барских слуг, отказавшаяся от предложенной ей отпусковой за себя и за своих родных, поражала знанием народной поэзии: ей известен был весь сказочный мир и она передавала его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нее с языка. Большую часть народных былин и песен, которых Пушкин так много знал, слышал он от Арины Родионовны. Таким образом, этим двум женщинам обязан был Пушкин наиболее поэтическими элементами своей музыки: в то время как Арина Родионовна раскрывала перед ним сокровища народного эпоса, Марья Алексеевна увлекала его своими рассказами о старине и о своих молодых, полных приключений годах в исторический мир старых дворянских преданий и нравов XVIII столетия.

На седьмом году с мальчиком произошел внезапный переворот: из вялого и неповоротливого он вдруг сделался развязным, резвым, шаловливым. Няню и бабушку, успевшую выучить ребенка грамоте, сменили по общему обычаю того времени иностранные гувернеры и учителя. Кроме священника Беликова и еще другого, обучавших Пушкина закону Божию и некоторым другим предметам, все остальные наставники были иностранцы: первым был французский эмигрант граф Монфор, музыкант и живописец; потом Руссо, хорошо писавший французские стихи; далее Шадель и прочие. Немецкому языку, не любимому Пушкиным в детстве, учила г-жа Лорж, английскому – гувернантка мисс Бели. Был еще учитель, немец Шиллер, обучавший и русскому языку. Учение шло довольно беспорядочно вследствие частой смены преподавателей и не всегда удачного выбора их. Обладая счастливой памятью, Пушкин выучивал уроки лишь слушая, как отвечала их его сестра; когда же первого спрашивали его, ему приходилось ограничиваться постыдным молчанием. Кроме немецкого языка он недолюбливал и арифметику, над которой пролил немало слез, – осо-

бенно не давалось ему деление. Зато французский язык, при непрерывном упражнении и в классах, и в разговорах между собою, усвоен был отлично, и впоследствии Пушкин владел им, как своим родным. Знаменитый граф Алексей Сен-При говорил, что слог французских писем Пушкина сделал бы честь любому французскому писателю. По-итальянски Пушкин выучился также в детстве: отец его и дядя отлично знали этот язык.

С девяти лет начала развиваться в Пушкине страсть к чтению, не покидавшая его всю жизнь. Он прочел сперва Плутарха, потом Гомера в переводе Битобе, потом приступил к библиотеке своего отца, состоявшей из эротических произведений французских писателей XVIII века, а также Вольтера, Руссо, энциклопедистов. Сергей Львович поддерживал в детях расположение к чтению и вместе с ними читывал избранные сочинения.

Говорят, он особенно мастерски передавал Мольера, которого знал почти наизусть. Напролет целые ночи проводил Пушкин за чтением книг, попадавшихся ему в руки.

К этому следует присоединить влияние тех литературных и политических разговоров, которые непрестанно велись в гостиной Сергея Львовича образованнейшими людьми того времени, причем детям позволялось беспрепятственно присутствовать при этих разговорах, лишь бы они не вмешивались в речи старших. Наконец в доме устраивали домашние спектакли и всякого рода *jeux d'esprit*,³ в которых участвовали и дети. Все это, вместе взятое, сильно влияло на умственные способности восприимчивого и талантливого ребенка и влекло к очень раннему развитию их. При таких условиях нет ничего удивительного, что первые опыты в стихотворстве появились у Пушкина очень рано, на 12-м году. Началось дело, по обыкновению, с подражаний. «Любимым упражнением Пушкина, по словам сестры его, сначала было импровизировать маленькие комедии и самому разыгрывать их перед сестрою, которая в этом случае составляла публику и произносила свой суд». Однажды как-то она освистала его пьеску «Escamoteur». Он не обиделся и сам на себя написал следующую эпиграмму:

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas-c'est que pauvre auteur
L'escamota de Molière.

то есть: «Скажи, за что партер освистал моего «Похитителя»? увы, за то, что бедный автор похитил его у Мольера». Ознакомившись с Лафонтеном, Пушкин стал писать басни. Начитавшись «Генриады», он задумал шуточную поэму, содержание которой заключалось в войне между карлами и карликами во времена Дагобера. Гувернантка похитила тетрадку поэта и отдала Шаделю, жалуюсь, что М. Alexandre за подобными вздорами забывает о своих уроках. Шадель расхохотался при первых стихах. Раздраженный автор тут же бросил свое произведение в печку. Макаров рассказывает о стыде и замешательстве Пушкина, когда в доме графа Бутурлина, вследствие молвы о поэтических его дарованиях, к нему приступили все жившие там девушки с альбомами и просьбами написать что-нибудь. Какой-то господин прочел русское четверостишие Пушкина и, для большей торжественности, ударял на «о». Мальчик только успел сказать «Ah, mon Dieu!»⁴ – и убежал без памяти в библиотеку графа, где долго еще не мог прийти в себя.

К этому ко всему следует заметить, что большинство первых стихотворных опытов Пушкина было написано им на французском языке, из чего можно заключить, что в эту пору детства родным языком поэта, на котором он и думал и писал, был французский.

³ Остроумные игры (фр.).

⁴ Ах, боже мой! (фр.).

ГЛАВА II. ЛИЦЕЙСКИЕ ГОДЫ А. С. ПУШКИНА 1811-1817

В то время, как в первые годы своей жизни Пушкин тревожил своих родителей вялостью и неподвижностью, в последующие, наоборот, он привел их к опасениям за его будущее неукротимой пылкостью страстного темперамента. Напрасно воспитатели, по большей части плохие, старались обуздать эту вулканическую натуру; добиваясь одного наружного повиновения и употребляя для этой цели пошлые и рутинные меры строгости, они не только не достигли никаких результатов, но встретили в мальчике отчаянное сопротивление, ежеминутно разрушавшее все их усилия. К такому же отпору приводили увещевания и требования родителей, сопровождаемые вспышками гнева и тщетными угрозами с их стороны. И вот, как это всегда бывает при подобных обстоятельствах, у родителей составилось мнение о сыне как о натуре извращенной, как о выродке, которого ожидает печальная будущность. Единственную надежду начали они питать на удаление его из родительского дома в какое-либо закрытое заведение, где могли бы обуздать его чужие люди суровыми мерами строгости. Долго колебались они между двумя модными в то время заведениями: иезуитским коллегиумом и частным пансионом, устроенным аббатом Николем и находившимся в то время в ведении аббата Макара. Наконец порешили в пользу иезуитского коллегиума и отправились уже в Петербург хлопотать о поступлении сына туда, как вдруг учреждение Царскосельского лицея совершенно изменило планы их. Директором лицея был назначен В. Ф. Малиновский, с которым Сергей Львович был в дружеских отношениях. При помощи его, а особенно при содействии А. И. Тургенева, двенадцатилетний Пушкин был принят в числе 30 воспитанников, из которых должен был состоять лицей.

Пушкин – лицеист

По единогласному свидетельству всех знавших внутреннюю жизнь семьи Пушкиных, юноша покидал родительский дом без малейшего сожаления; со своей стороны и семья провожала его холодно, словно сваливая с плеч тяжелую обузу. Исключение составляла лишь сестра Пушкина, к которой он был привязан, и лишь с нею одною прощался он с грустью.

Василий Львович привез племянника в Петербург и держал его у себя в доме все время, пока он приготавливался к экзамену. 12 августа 1811 года Пушкин, вместе с Дельвигом, выдержал приемный экзамен и поступил в лицей; 19 же октября последовало торжественное открытие лицея, и после того начались лекции.

На лицей, при его основании, возлагали большие надежды, предполагали сделать его образцом высших учебных заведений, поставить на одном уровне с наполеоновскими Lycées и английскими Colleges. Лучшие и самые передовые светила науки и педагоги того времени были избраны преподавателями лицея, каковы А. П. Куницын, Л. И. Карцев, И. К. Кайдонов, потом А.И. Галич и др.

Но быстрое охлаждение к делу и распушенность, эти два неизменные качества, сопровождающие все российские предприятия, не замедлили сказаться и здесь. После смерти в 1814 году первого директора лицея, В. Ф. Малиновского, лицей без малого два года состоял под управлением профессоров, которые поочередно вступали в директорство, мешали друг другу, беспрестанно ссорились между собою, и для обуздания их оказалось нужным поместить в звание сперва инспектора классов, а потом и директора, военного человека аракетской школы, отставного подполковника С. С. Фролова, принявшегося за дело круто, чисто по-фельдфебельски, но скоро уволенного и оставившего после себя массу шутовских воспоминаний.

Весь этот период, до назначения директором Е. А. Энгельгардта, Пушкин называет временем анархии, а другие его товарищи – междуцарствием. Преподаватели, в свою очередь, на второй же год спустили рукава: Куницын начал ограничиваться требованием буквальной выучки своих тетрадей, и его упрекали вообще в наклонности к ленивому, апатичному существованию. Кошанский, читавший древние языки и русскую словесность, в первый год увлекал слушателей своими беседами о великих образцах древности и тщательно поправлял упражнения учеников в слоге, но на второй год запил и совсем бросил преподавание. Математик Карцев, будучи от природы юмористом и видя общее нерасположение к математике воспитанников, занимался на уроках выслушиванием лицейских анекдотов и остроумною болтовнёю. Добродушный и слабый Галич, заменивший Кошанского, до такой степени был оседлан своими воспитанниками, что допускал устройство тайных студенческих попоек в отведенной ему в лицее аудитории.

При таких порядках воспитанники были вполне предоставлены самим себе. Учебные занятия не особенно обременяли их; знания, требуемые по программе, достигались легко, а в случае недостатка ловко маскировались подставными вопросами и ответами, выбранными с общего согласия учителей и учеников. У воспитанников, таким образом, оставалась масса праздного времени, в которое они разгуливали свободно по всему лицейскому саду, заводя любовные интрижки с горничными и крепостными актрисами домашнего театра графа Варфоломея Васильевича Толстого. “Наташа”, которой посвящено одно или два лицейских стихотворения Пушкина, принадлежала к лицейским нянюшкам; пьесы “К актрисе” и “Ты не наследница Клерон” обращены к крепостной актрисе. От кутежей между собою в стенах лицея воспитанники в старших классах перешли к кутежам с гвардейцами и вообще золотою молодежью, проживавшею летом в Царском Селе на дачах. Изредка они устраивали школьные бунты и протесты; так, они изгнали из заведения инспектора М. Ст.

Пилецкого-Урбановича, ожесточившего воспитанников своею религиозною навязчивостью, презрительными отзывами о семействах своих питомцев и иезуитским обращением, скрывавшим под личиною снисхождения много жестокости и коварства.

Нужно ли после этого удивляться той малоуспешности, которую обнаружил Пушкин на экзаменах, и тому, что в аттестате его даже по русскому языку значится посредственная отметка? Но из этого не следует, чтобы так уж совсем ничем и не был обязан он лицею. Кое-что запало в голову воспитанников от лекций Куницына и Кошанского. Немало влияния оказали на них, по свидетельству М. А. Корфа, беседы учителя французской словесности де Бужа, брата Марата; он весьма способствовал укреплению мыслительных сил в воспитанниках, постоянно стараясь приучать их к отчетливому представлению и изложению того, что они слышали, видели и что возникло в их голове. Но наиболее обязан был Пушкин лицею богатую библиотекою, пользование которой было предоставлено воспитанникам без малейших ограничений.

Имея массу свободного времени и предоставленный вполне самому себе, с жаром набросился Пушкин на книги лицейской библиотеки; дни и ночи читал он без отдыха, причем более всего интересовали его книги по истории и французской словесности. Напрасно Дельвиг старался приохотить его к изучению немецкой литературы; Пушкин покинул своего товарища на первых попытках ознакомиться с Клопштоком. Товарищи относились к Пушкину сначала несколько неприязненно, видя его умственное превосходство над ними и замечая, что он многое прочел, о чем они и не слыхали, и все, что читал, помнил. Они прозвали его французом за отличное знание французского языка, что очень оскорбляло юношу в эпоху войны 1812 года, при всеобщей ненависти ко всему французскому. Немало в первое время отталкивало от него расположение его к насмешкам и преследованию неприязненных личностей, доводившее иногда многих до детского отчаяния. Но вместе с тем обнаружилось доверчивое и любящее сердце Пушкина и скромность, заставлявшая его не только не кичиться и не важничать перед товарищами своими знаниями и талантами, а, напротив того, показывать, что все научное он не считает ни во что и мастер только бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и прочее. При таких качествах характера Пушкин скоро победил неприязнь к себе товарищей и сделался, напротив того, душою класса, а затем коноводом литературного кружка. Этот литературный кружок образовался едва ли не тотчас по открытии лицея; участниками в нем были Дельвиг, Илличевский, Корсаков, князь А. М. Горчаков, барон М. А. Корф, С. Г. Ломоносов, Д. Н. Маслов, Н. Г. Ржевский, В. К. Кюхельбекер, М. Л. Яковлев. Литературные занятия кружка заключались, во-первых, в издании рукописных журналов, в которых члены помещали свои произведения, а во-вторых – в особенной литературной игре. Составив один общий круг, товарищи обязывали каждого рассказать повесть или, по крайней мере, начать ее. В последнем случае следующий за рассказчиком принимал ее на том месте, где она остановилась, и развивал далее; третий, в свою очередь, продолжал ее и т. д., пока повесть не приходила к окончанию. Дельвиг первенствовал на этой гимнастике воображения; его никогда нельзя было застать врасплох: интриги, завязки и развязки были у него всегда готовы. Пушкин уступал ему в способности придумывать наскоро происшествия и часто прибегал к хитрости. Раз он изложил восхищенным слушателям историю 12 спящих дев, умолчав об источнике, откуда почерпнул ее. Тогда же, в грубых, конечно, чертах, он передал две повести, им самим придуманные: *“Метель”* и *“Выстрел”*, которые впоследствии явились в *“Повестях Белкина”*.

Под влиянием этих литературных игр и занятий кружка Пушкин очень скоро перешел от французских стихов к русским и на первых порах наиболее прославился между товарищами своими колкими и меткими эпиграммами. Н. Ф. Кошанский очень строго отнесся к первым опытам своего ученика, старался отвратить его от попыток сочинительства и только позднее, убедившись в его таланте, с жаром принялся знакомить его с теорией словесности

и классическими произведениями древности; но это продолжалось недолго и кончилось с несчастною болезнью наставника, о которой мы выше говорили.

Первые опыты Пушкина, известные под именем “лицейских стихотворений”, носят на себе влияние всех тех писателей, которыми увлекался Пушкин в своем отрочестве. Из русских писателей это были Карамзин, Жуковский и в особенности Батюшков. Последний производил на Пушкина самое сильное впечатление и был главным учителем его в отношении пластичности форм и той тонкой, грациозной, чисто классической гармонии между формой и содержанием, какою наиболее отличился автор “Умиряющего Тасса”. Пушкин высоко ценил даже сходство, какое могут представлять некоторые из собственных его стихов с манерой Батюшкова. Что же касается содержания лицейских стихотворений, то в этом отношении Пушкин подчинился влиянию той школы французских анакреонтических писателей, на которой он был воспитан в родительском доме, каковы Шенье, Шапель, Берни, Грессе, Грекур, Парни. Этим влиянием обуславливается и тот веселый и несколько легкомысленный взгляд на жизнь, и то обилие эротического и вакхического элементов, какие мы встречаем в лицейских стихотворениях Пушкина. Но как бы ни были расположены смотреть отрицательно на все подобные безделки люди, требующие от поэзии серьезного содержания, нельзя отрицать и некоторой доли благотворного влияния, какое оказали вышеупомянутые писатели на характер поэзии Пушкина: они сразу поставили ее на реальную почву изображения земных, определенных, всеми ощущаемых и каждому знакомых радостей и печалей. Это одно составляло большой шаг вперед от господствовавшего в то время в нашей литературе мистического романтизма с его скорбными томлениями – неизвестно о чем, и порываниями – неизвестно куда.

Первое стихотворение Пушкина, вышедшее в свет, было послание “*К другу-Стихотворцу*” напечатанное в № 13 “Вестника Европы” с подписью: Александр Н.К.ш.п. Затем, в том же году, появились в том же “Вестнике Европы”, издававшемся Вл. В. Измайловым: “*Кольна*”, “*Венере от Лаисы*”, “*Опытность*” и “*Блаженство*”. Но наиболее памятный для Пушкина год был 1815-й. С него начинается литературная известность и слава его. В этом году под стихами Пушкина уже находится полное его имя. О нем заговорили.

В январе 1815 года, 4-го и 8-го, в первый раз происходило в лицее торжественное публичное испытание, на которое приехали из Петербурга многие важные государственные люди и ревнители просвещения; между прочим, присутствовал и Державин. Вот как вспоминает Пушкин об этом, глубоко врезавшемся в его память, экзамене: “Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил: он сидел, поджавши голову рукою; лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Портрет его – где представлен он в колпаке и халате – очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен из русской словесности. Тут он оживился: глаза заблистали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои “*Воспоминания в Царском Селе*”, стоя в двух шагах от Державина; голос мой отрочески зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении, он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли”...

После этого слухи о появлении необыкновенного таланта не замедлили распространиться по Петербургу. Все дивились. На большом обеде у министра народного просвещения, графа Разумовского, о Пушкине шел общий говор. Все предсказывали будущую славу его. Хозяин, обратясь к Сергею Львовичу, который находился тут же, заметил между прочим: “Я бы желал однако ж образовать сына вашего к прозе”. – “Оставьте его поэтом”, – возразил с жаром Державин.

Столь лестные отзывы, понятно, помирили родителей с их блудным сыном. В то же время Пушкин тогда же сблизился уже с первоклассными писателями того времени: Жуковским, Карамзиным и Батюшковым. Жуковский, бывши в Москве, получил от Василия Львовича стихи Пушкина “Воспоминания в Царском Селе”, отправился к друзьям своим и там, читая их вслух, останавливался на лучших местах и восклицал: “Вот у нас настоящий поэт!” Летом 1815 года, посещая часто Царское Село и читая императрице стихи свои, Жуковский сблизился с Пушкиным и полюбил его, как родного. Это было время самой громкой славы Жуковского. Три издания “Певца в стане русских воинов” раскупились в один год; “Послание к императору Александру” было принято с восторгом, как выражение общих народных чувств. Друзья носили Жуковского на руках. Вдовствующая императрица, Марья Федоровна, весьма благоволила к нему. И можете себе представить, что этот 32-летний поэт, доживший до полного развития своего таланта и апогея своей славы, до такой степени сразу был увлечен гением Пушкина, что ему, 15-летнему мальчику, сидевшему на школьной скамейке, нарочно читал свои стихи, и если в следующие свидания Пушкин не вспоминал и не повторял их, то Жуковский считал такие стихи слабыми и уничтожал их или переделывал. В то же время с нежным отеческим участием Жуковский радовался блестящим успехам Пушкина, снисходил к его увлечениям, прощал его заносчивость, берег его, заботился о нем. Сам Пушкин впоследствии называл его своим ангелом-хранителем.

К тому же времени относится и сближение Пушкина с Карамзиным. Карамзин и прежде уже, будучи знаком с Сергеем Львовичем и бывая у них в доме, мельком видел талантливого юношу. В феврале 1816 года он привез в Петербург к печати восемь томов “Истории государства Российского” и читал друзьям своим посвящение, которым начинается первый том истории. Пушкин присутствовал при чтении, запомнил все и, пришедши домой, записал от слова до слова, так что посвящение сделалось известно в лицейском кружке гораздо раньше, чем было напечатано. Уже тогда Карамзин познакомился с Пушкиным ближе и успел привлечь его к себе ласкою, одобрениями и участием. Но наибольшее сближение последовало летом в 1816 году, когда Карамзин поселился в Царском Селе. Там, занимаясь продолжением “Истории...” и печатанием первых ее томов, Карамзин приглашал к себе Пушкина, беседовал с ним, и Пушкин имел возможность слушать “Историю государства Российского” из уст самого историографа. Пушкин горячо полюбил Карамзина и все его семейство и сделался у них домашним человеком. Как и Жуковский, Карамзин любовался молодым поэтом, предостерегал, удерживал, берег его и после спас в одну из решительных минут его жизни.

К этому же периоду относится знакомство и сближение Пушкина с другими передовыми силами русской литературы того времени, каковы И.И. Дмитриев и Батюшков. С Дмитриевым он познакомился через Карамзина; Батюшков был старый друг Сергея Львовича. Наконец тогда же сблизился с Пушкиным и А.И. Тургенев, который до конца жизни оставался с ним в самых приятных отношениях и часто с ним переписывался.

Ранние и быстрые литературные успехи побудили Пушкина еще с большим рвением и страстностью приняться за развитие своего поэтического таланта. Отбывая кое-как школьную науку, неглижируя⁵ и лентясь, в то же время дни и ночи просиживал юноша в своей каморке под № 14, беседуя с музами. Довольно сказать, что в стенах лицея он успел написать около ста двадцати стихотворений и тут же задумал и начал писать первую свою поэму “Руслан и Людмила”. Но так велика была скромность молодого поэта, что и тогда весьма немногие из своих стихотворений он решался посылать в печать, причем сердился и выходил из себя, когда некоторые стихотворения были печатаемы друзьями помимо его ведома.

⁵ Пренебрегая, относясь небрежно (*фр.*).

Даже и впоследствии, выпустивши в 1826 году первое издание своих произведений, Пушкин из 120 лицейских стихотворений своих удостоил печати лишь 23 пьесы.

В половине мая 1817 года начались в лицее выпускные экзамены и тянулись 15 дней при многочисленной публике. Посетителям предоставлено было задавать лицеистам вопросы, что дало повод к занимательным ответам и прениям. На экзамене из русской словесности Пушкин читал сочиненное им на этот случай стихотворение *“Безверие”*, но отвечал плохо и был выпущен 19-м, с чином X класса или гвардии офицером.

ГЛАВА III. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. С. ПУШКИНА В С.-ПЕТЕРБУРГЕ 1818-1820

Перед выходом из лицея Пушкин мечтал о военной службе. Незадолго перед тем появившийся Высочайший указ предоставлял право определяться прямо в гвардию офицерами, и 12 товарищей Пушкина тотчас же избрали военное поприще. Жизнь военная и молодому поэту представлялась в самом привлекательном виде. Уже давно он познакомился с нею в кругу квартировавших в Царском Селе офицеров. К тому же, по-видимому, он имел все данные для нее: физическая организация его, крепкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражнениями. Он славился как неутомимый ходок пешком, страстный охотник до купанья, езды верхом; отлично дрался на эспадронах,⁶ считаясь чуть ли не первым учеником у известного фехтовального учителя Вальвиля. Пушкину хотелось поступить в лейб-гусары, и один знакомый генерал обещал ему содействие, но не удалось молодому поэту носить военного мундира. Свидание с отцом расстроило все его планы. Сергей Львович наотрез объявил, что не в состоянии содержать сына в гусарском полку, и позволил ему определяться в один из пехотных полков гвардии; но Пушкин не захотел этого и через четыре дня по выходе из лицея записался в министерство иностранных дел, что вполне соответствовало его склонностям: служба эта, будучи номинальной, предоставляла ему много досуга.

По выходе из лицея Пушкин снова вернулся под родительский кров. Родители его жили теперь уже в Петербурге, а на лето уезжали в Псковскую губернию, в родовое свое село Михайловское. Сюда и приехал Пушкин с родными тотчас по выпуске из лицея. «Вышедши из лицея, – говорит Пушкин в своих записках, – я тотчас почти уехал в Псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался я сельской жизни, русской бане, клубнике и пр., но все это нравилось мне недолго. Я любил и доныне люблю шум и толпу».

Эта страсть к городской жизни и к толпе, очевидно, была унаследована Пушкиным от своих родителей и особенно от отца. Сергею Львовичу обязан он был и своим тщеславием, страстью тянуться во что бы то ни стало в высшее светское общество. Страсть эта, сгубившая его впоследствии, не замедлила обнаружиться при первых же шагах его в жизни.

Казалось бы, что и по умственным склонностям Пушкина, и по средствам родителей он должен был вращаться преимущественно в литературной среде, тем более, что в этой среде он с детских лет был принят с участием, лаской и любовью первыми литературными светилами того времени. С первого шага в свет Пушкин очутился в обществе тогдашних литераторов как известный и заслуженный его член. Он почти совсем не был в положении начинающего. Едва выйдя из лицея, он уже осенью 1817 года был принят в члены литературного общества «Арзамас», вокруг которого группировались все молодые писатели нового романтического направления, ратовавшие против устарелых классиков, которые, в свою очередь, группировались вокруг московского общества «Беседы любителей русского слова» и «Вестника Европы» Каченовского. По обычаю арзамасского общества всем членам давать особенные шуточные прозвища, Пушкина называли *сверчком*, потому что, по выражению одного из арзамасцев, «в некотором отдалении от Петербурга, спрятанный в стенах лицея, прекрасными стихами уже подавал он оттуда свой звонкий голос». Новый член «Арзамаса» произносил обыкновенно шуточное похвальное слово какому-либо члену враждебной «Беседы любителей русского слова». Неизвестно, кому произнес похвальное слово Пушкин при вступлении своем, но ему дозволено было сказать речь свою александрийскими сти-

⁶ Фехтовальное оружие, наподобие сабли, колющее и режущее (*фр.*).

хами, которые, к сожалению, не дошли до нас. К несчастью Пушкина, “Арзамас” скоро рассеялся. Собрание, в котором Пушкин произнес свою речь, было последним, так как члены “Арзамаса” отозваны были из столицы разными обязанностями. Но, кроме “Арзамаса”, в Петербурге было несколько других литературных обществ, кружков и салонов (“Общество любителей словесности, наук и художеств”, “Общество соребнователей просвещения и благотворения”, кружок А.Н. Оленина, вечера В.А. Жуковского), и, хотя Пушкин не принадлежал к некоторым из них, однако же следил внимательно за их занятиями. На вечерах Жуковского читал он песни “Руслана и Людмилы”, подвергая их переделкам под влиянием суждений и приговоров друзей. Известно, что после чтения последней песни Жуковский подарил автору свой портрет, украшенный подписью: “Ученику от побежденного учителя”. Батюшков же, прочтя послание Пушкина к Ф.Ф. Юрьеву, сжал в руках листок бумаги с этим посланием и проговорил: “О! как стал писать этот злодей!”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.